

УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ТРАНСЦЕНДЕНТНОСТИ В СОЮЗЕ С ÜBERMENSCH (ПРИГЛАШЕНИЕ К ОТКРОВЕННОМУ РАЗГОВОРУ)

© 2022 г. Н. Г. Иванов

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России), г. Москва

E-mail: puasson2008@yandex.ru

Поступила в редакцию 21.07.2021 г.

Аннотация. Статья посвящена проблемам уголовного закона, который в эпоху постмодернизма стал всё больше характеризоваться притчевой неясностью, обосновывающей трансцендентный характер нормоустановлений. Трансцендентность, особенно ярко проявляющаяся в новеллах Уголовного кодекса РФ, вносит дезорганизацию в процесс интерпретации закона и, естественно, в процесс квалификации деяний. В контексте законодательной трансцендентности рассмотрены нормы ст. 15, 195 и 196 УК РФ.

ÜBERMENSCH представлен и как идея достижения общественного блага путём неоднозначных, порой безнравственных решений, и как интересы «пассионариев», способных избежать уголовной ответственности. В этом контексте рассмотрены нормы ст. 41 и 76¹ УК РФ.

Ключевые слова: трансцендентность, уголовный закон, принятие закона, нормоустановление, сверхчеловек, справедливость, целесообразность.

Цитирование: Иванов Н. Г. Уголовный кодекс Российской Федерации как воплощение трансцендентности в союзе с Übermensch (Приглашение к откровенному разговору) // Государство и право. 2022. № 3. С. 53–60.

DOI: 10.31857/S102694520019165-2

THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION AS THE EMBODIMENT OF TRANSCENDENCE IN ALLIANCE WITH ÜBERMENSCH (INVITATION TO A FRANK CONVERSATION)

© 2022 N. G. Ivanov

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow

E-mail: puasson2008@yandex.ru

Received 21.07.2021

Abstract. The article is devoted to the problems of criminal law, which in the modern era of postmodernism has become increasingly characterized by parable ambiguity that justifies the transcendental nature of norms. Transcendence, especially clearly manifested in the novels of the Criminal Code, introduces disorganization into the process of interpreting the law and, of course, into the process of qualifying acts. In the context of legislative transcendence, the norms of Articles 15, 195 and 196 of the Criminal Code are considered.

ÜBERMENSCH is presented both as the idea of achieving the public good through ambiguous, sometimes immoral decisions, and as the interests of “passionaries” who can avoid criminal liability. In this context, the norms of Articles 41 and 76.1 of the Criminal Code are considered.

Key words: transcendence, criminal law, adoption of the law, regulation, superman, justice, expediency.

For citation: Ivanov, N. G. (2022). The Criminal Code of the Russian Federation as the embodiment of transcendence in alliance with Übermensch (Invitation to a frank conversation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 3, pp. 53–60.

«Язык, чтобы обрести власть, с необходимостью должен быть тайным, непонятным для непосвящённых», — цитирует И.А. Исаев французского эссеиста Ж. Полана¹. Оракулы и мистерии Древней Греции иллюстрируют этот тезис со всей очевидностью. Вспомним из истории: Пифия — жрица-прорицательница Дельфийского оракула в храме Аполлона, была почитаема не потому, что она предрекала истину, а потому, что она говорила загадками, которые можно было представить как угодно. Даже если предсказание сбывалось вовсе не так, как рассчитывал просящий, Пифия всегда могла интерпретировать сказанное сокровенным смыслом Дельфийского прорицателя. Например, на вопрос Крёза о том, долго ли будет существовать его держава, учитывая его желание начать войну с Киром, царём Персии, Пифия ответила так:

*«Коль над мидянами мул царём когда-либо станет,
Ты, нежноногий лидиец, к обильному горькому Герму
Тут-то бежать торопись, не стыдясь малодушным
казаться»².*

Разобраться в таком предсказании очень сложно, даже с учётом знания специфики греческих этико-психологических нюансов того времени задолго до нашей эры. Крёз истолковал пророчество благоприятно для себя, но в итоге проиграл.

Мистерии, или литургические драмы, представляли собой род богослужения, смысл которого был доступен только для посвящённых. Посвящённые в тайны мистерий могли надеяться на блаженство после смерти. В элевсинских мистериях, которые были посвящены культу Деметры — богине плодородия и Персефоне — богине царства мёртвых, посвящённым показывались священные предметы, скрытые от посторонних глаз, и раскрывались тайные предания, неизвестные народу, которому оставалось только слепо покоряться ритуалам, благоговей перед магией тайны.

Все эти виды гнозиса объединяет одно — тайна, диктующая свои законы, среди которых основной — это закон почитания и подчинения в силу необъяснимости скрытого от непосвящённых смысла откровений. Отсюда — торжественная загадочность гностических даже не откровений, а сокровений, нуждающихся в особом толковании. В этом контексте, исследуя семантику притч, святой Афанасий Александрийский замечал, что, поскольку притчи являют собой особый иносказательный жанр, который можно именовать «приточный», постольку не следует понимать текст буквально, ибо всё что

«говорится в притчах, высказывается не явно, но сокровенно», и необходимо искать этот сокровенный смысл, руководствуясь благочестивыми помыслами³.

«Вовсе не надо всё принимать за правду, надо только сознать необходимость всего», — цитирует И.А. Исаев Кафку, который в романе «Процесс» вложил эту сентенцию в уста священника⁴. Осознать необходимость принимаемых в государстве мер, если они облечены в труднообъяснимые нормативные формулы, используя при этом весь запас благочестия, который дан нам свыше, порой бывает затруднительно, ибо эзотерика нормотворца столь объёмна и загадочна, по образцу дельфийской Пифии, что разгадать её невозможно, поскольку постоянно возникает вопрос: зачем? Необходимо, однако, заметить, что эзотерика законодателю необходима, как были необходимы мистерии, теософия тайной доктрины, поскольку без тайного почитания демонических необходимостей государства они станут откровенными и тогда со всей бесстыдной очевидностью обнажатся пороки и, соответственно, порочные стремления, явно или имплицитно руководящие законодателем, которому не дают покоя амбиции Мидаса и в определённой мере лавры Солона и Ликурга.

Эзотерика или загадочность законоустановлений даёт массу преимуществ, среди которых основным является возможность упрека интерпретатора в том, что он не так понял законодателя, а букве закона и вовсе не нужно доверять, ибо дух его диктует основные правила. Загадка несёт в себе массу возможных вариантов, поэтому выбор должен соответствовать не воле законодателя. Она аморфна в рамках нормоустановлений. Выбор варианта интерпретации зависит от политических веяний или лоббистских желаний, которые имеют ввиду создание возможностей для злоупотребления правом. А любое откровение Пифии предоставляет такие возможности сполна.

Пифия возглашала свои рекомендации от имени Оракула, который воплощал волю Аполлона. Поэтому загадочность являлась квинтэссенцией пророчеств, требующих для прославления Божественного откровения и исключения дискредитации его, многовариантность возможностей. В магии Пифии важна была не буква, а дух, который она вкладывала в свои прогнозы и разгадать который было практически невозможно. Духовное толкование или толкование по духу было характерно не только практически для всех религий, но и являлось обязанностью благочестивого экзегета. В этой связи православные экзегеты, среди которых особо выделяется апостол Павел, призывали к познанию не мёртвой буквы

¹ См.: Исаев И.А. Мифологемы закона. Право и литература. М., 2021. С. 224.

² Геродот. История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л., 1972. С. 26.

³ См.: Бычков В.В. Древнерусская эстетика. М.—СПб., 2012. С. 77.

⁴ См.: Исаев И.А. Указ. соч. С. 218.

закона, а животворящего духа его. Эразм Роттердамский возмущался тем, что «монашеское благочестие до такой степени повсеместно охладело, истощилось, исчезло, утратилось, так как монахи стараются на понимании буквы и не трудятся над постижением духовного смысла Писаний»⁵.

Источник современной российской пифии – тайные силы, представляющие собой некий демонический пласт, всегда и всемерно сопутствующий общественному развитию. Это прежде всего лоббисты, отстаивающие интересы бизнеса или власти. Именно они определяют содержание правил, делая их загадочными, а роль пифии заключается только в том, чтобы принять эти правила и донести до массы, не имея возможности, в силу отсутствия необходимых познаний, подвергнуть их анализу. Непосвящённые выполняют волю махатм, предлагая другим непосвящённым нормативные установки, восхищающиеся своей трансцендентной насыщенностью, отчего они становятся предметом научных дебатов, а для бюргера – пугающей таинственностью, заставляющей трепетно взирать на созданное чудо и пытаться постичь его смысл с помощью экзегетов-адвокатов, которые могут и угодить в случае должного профита, если, разумеется, нет аргумента в защиту одной из возможных интерпретаций, вытекающих из трактуемого нормоустановления.

В Уголовном кодексе РФ достаточно много «тайных смыслов», претендующих на притчевые откровения или загадки Пифии; слишком много нормативного материала, который нуждается не в буквальной, а исключительно в духовной интерпретации, что опасно, поскольку такая интерпретация позволяет толковать правило с учётом доминирующих амбиций, злоупотребляя правом. К примеру, ч. 6 ст. 15, посвящённая изменению категории преступления.

Напомню, что в ч. 6 ст. 15 УК РФ законодатель предоставил суду возможность, при наличии определённых обстоятельств изменить категорию преступления на одну единицу, улучшив, таким образом, положение осуждённого.

Переход из одной категории в другую возможен только при соблюдении тех правил, которые законодатель установил для категориальных определений и с соблюдением тех характеристик, которые законодатель утвердил для определения категории. А это только характеристики деяния. Но по трафарету притчевых загадок законодатель вдруг ставит отнесение преступления к той или иной категории в зависимости от характеристик не только посягательства, но и от посягателя, поскольку учитываются смягчающие наказание обстоятельства.

⁵ Эразм Роттердамский. Оружие христианского воина. СПб., 1992. С. 14.

Категория преступления изменяется только после назначения наказания судом. Следовательно, изменённая категория влияет на последующие после наказания правоприменительные решения. Например, на условно-досрочное освобождение от наказания и т.д. Но изменение категории никаким образом не может повлиять на возможность освобождения от уголовной ответственности по правилам ст. 75, 76, 76¹, 76² УК РФ. Если уж законодатель и правоприменитель провозгласили принципы справедливости и гуманизма основополагающими в своей деятельности, тогда они не должны иметь изъятий из-за загадочных позиций законодателя.

В результате изменения категории преступления лица, например, деятельно раскаявшиеся в совершённом преступлении, не получают обещанных в ст. 75 УК РФ благ освобождения от уголовной ответственности, несмотря на то что изменённая категория позволяет их получить. Возникает довольно непрезентабельная в этическом смысле картина: освобождение от уголовной ответственности в рамках гл. 11 УК РФ имеет абсолютно определённые основания – совершение впервые преступления небольшой или средней тяжести. Такие основания субъект, виновный в совершении преступления, получил в результате изменённой категории, но блага освобождения от уголовной ответственности его миновали. В этом контексте правомерно возникает вопрос: разве лица, имеющие одинаковую категорию преступления не равны перед законом? Конечно равны, непременно ответит законодатель, свято чтящий принципы уголовного права. Но равенство в случае изменения категории преступления предстаёт в загадочном облачении, а смысл его как в откровениях Пифии – трансцендентным. Следует заметить, однако, что в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15 мая 2018 г. № 10 «О практике применения судами положений части 6 статьи 15 Уголовного кодекса Российской Федерации»⁶ сказано (п. 10), что в случае изменения категории и при наличии оснований ст. 75 и 76 позволяет освободить лицо, но не от ответственности, а от наказания. Таким образом судимость у такого лица всё же остаётся, и вопрос о равенстве не становится менее актуальным.

Или ст. 22 УК РФ, вводящая в ткань уголовного закона аномалийного субъекта. И ст. 22, и ч. 2 ст. 97 ведут речь о предопределённости. В ст. 22 предопределённость поведения заключена в том, что субъект не может в полной мере осознавать бытие или руководить своим поведением. Что составляет «полная мера» – неизвестно, но ясно, что субъект зависим от этой меры своих психофизиологических особенностей.

⁶ См.: Росс. газ. 2018. 19 мая.

В ч. 2 ст. 97 УК РФ предопределённость поступков представлена тем, что аномальный субъект помещается в психиатрическую клинику, если прогноз развития психических расстройств негативен: субъект в результате психофизиологических аномалий способен совершить «бог знает что». Это очевидная непреодолимая предопределённость, которая должна учитываться не только при назначении наказания, но и при освобождении от уголовной ответственности. Она учитывается в отдельных случаях. Например, ч. 2 ст. 28, но почему-то не во всех ситуациях аномального развития поведения. Почему — загадка.

Из последнего творческий порыв законодателя, посвящённый новеллизации норм о «банкротских» преступлениях. Имеется в виду Федеральный закон от 1 июля 2021 г. № 241-ФЗ «О внесении изменений в статьи 195 и 196 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»⁷, которым названные статьи дополнены нормами субъектного состава, выступающие в качестве квалифицирующих признаков деяния.

В ч. 1¹ ст. 195 УК РФ предусмотрена повышенная ответственность за использование субъектом принадлежащих ему полномочий, а по сути дела — за субъектный статус. Ответственность повышается, если субъект использовал своё служебное положение или являлся контролирующим должника лицом либо руководителем этого контролирующего лица. Эта часть указанной статьи вносит дисгармонию в процесс квалификации деяния вот по каким причинам.

Первый признак, отягчающий положение виновного, заключается в том, что субъект использует своё служебное положение. Служебное положение — понятие объёмное и не ограничивается только управленческими или должностными функциями. Служебное положение представляет собой статус лица, осуществляющего любого рода профессиональную деятельность, которая регулируется соответствующими правовыми актами. В такой трактовке любая профессиональная деятельность, включая деятельность дворника и т.п., является, естественно, служебной. В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. (в ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)»⁸ п. 6 именно так и понимается осуществление служебной деятельности.

Использование своего служебного положения означает, что субъект не выходит за рамки определённых для него полномочий, но пользуется ими в своих интересах. Кроме того, использование служебного положения может состоять и в том, что субъект оказывает влияние на другого субъекта, пользуясь своей

должностной мантией (п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 18.10.2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования»⁹).

В такой трактовке использования служебного положения субъекты преступления неизбежно должны подпадать под категорию «использующие своё служебное положение», поскольку ни руководитель, ни арбитражный управляющий, ни индивидуальный предприниматель и т.д. вряд ли могут совершить какие-либо действия вне рамок использования своего профессионального статуса. Такие действия может совершить только физическое лицо. Возникает вопрос о квалификации деяния, который, как представляется, вряд ли разрешим при такой законодательной постановке без соответствующего пояснения, каковое, в результате правоприменительных сложностей, будет вынужден дать российский экзегет с учётом, естественно, возможностей, предоставляемых «магией слова» законодателя.

Следующий субъектный статус — контролирующее должника лицо. В ст. 61¹ Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ (в ред. от 02.07.2021 г.) «О несостоятельности (банкротстве)»¹⁰ предложено достаточно обстоятельное определение контролирующего должника лица, которое представлено в виде описания возможностей, благодаря которым субъект в состоянии контролировать действия должника, и статусных особенностей лица, претендующего на контролирующие функции.

Во-первых, из Федерального закона следует, что перечень лиц, которые могут быть признаны в качестве контролирующих должника, является примерным. Статус контролирующего лица может получить и иной субъект по усмотрению арбитражного суда. Это обстоятельство вносит некоторую неопределённость в определение субъекта рассматриваемого преступления тем более с учётом того обстоятельства, что арбитражный суд начинает рассмотрение дела после подачи соответствующего заявления, а действия, составляющие объективную сторону деяния, могут быть совершены до судебного заседания, когда признаки банкротства были очевидны только для самого субъекта. В такой ситуации вряд ли можно признать гражданина в статусе контролирующего лица как субъекта рассматриваемого преступления, если он признан таковым арбитражным судом на стадии, когда заявление было только подано и рассмотрено, а действия, составляющие объективную сторону деяния, уже совершены. Подобного рода эпизоды свидетельствуют о том, что вменять признак «контролирующий субъект» можно только в том случае, если этот статус был

⁷ См.: СЗ РФ. 2021. № 27 (ч. I), ст. 5069.

⁸ См.: Росс. газ. 1999. 9 февр.

⁹ См.: Росс. газ. 2012. 31 окт.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2002. № 43, ст. 4190; 2021. № 27 (ч. I), ст. 5181.

заранее определён в законе. Этот вывод базируется на незыблемом постулате права, согласно которому закон, подлежащий применению, должен быть точен, понятен и лишён неопределённости, ибо в противном случае нельзя вменить субъекту то, что не было в законе или судебных решениях и о чём он не был осведомлен до начала совершения преступления.

Во-вторых, контролирующими лицами закон называет тех субъектов, которые имеют «не более чем за три года, предшествующих возникновению признаков банкротства, а также после их возникновения до принятия арбитражным судом заявления о признании должника банкротом право давать обязательные для исполнения должником указания или возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий». Таким образом, в качестве контролирующих лиц выступают, в частности, руководитель организации, её учредитель. Но они являются лицами, которые используют своё служебное положение, в связи с чем возникает сомнение в целесообразности законодательного дублирования субъектного статуса лица, привлекаемого к ответственности по ч. 1¹ ст. 195 УК РФ. Во всяком случае с квалификацией возникают проблемы.

В-третьих, контролирующими лицами, исходя из цитируемого закона, может быть признано любое третье лицо, не имеющее отношение к компании, если оно извлекло выгоду из незаконного или недобросовестного поведения должника. В п. 7 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»¹¹ установлена презумпция, согласно которой «предполагается, что лицо, которое извлекло выгоду из незаконного, в т.ч. недобросовестного, поведения руководителя должника является контролирующим» (п/п. 3 п. 4 ст. 61.10 Закона о банкротстве).

В соответствии с этим правилом контролирующим может быть признано лицо, извлекающее существенную (относительно масштабов деятельности должника) выгоду в виде увеличения (сбережения) активов, которая не могла бы образоваться, если бы действия руководителя должника соответствовали закону, в т.ч. принципу добросовестности.

Так, в частности, предполагается, что контролирующим должника является третье лицо, которое получило существенный актив должника (в т.ч. по цепочке последовательных сделок), выбывший из владения последнего по сделке, совершенной руководителем должника в ущерб интересам возглавляемой организации и ее кредиторов (например, на заведомо невыгодных для должника условиях или с заведомо

неспособным исполнить обязательство лицом («фирмой-однодневкой» и т.п.) либо с использованием документооборота, не отражающего реальные хозяйственные операции, и т.д.¹²). Опровергая названную презумпцию, привлекаемое к ответственности лицо вправе доказать свою добросовестность, подтвердив, в частности, возмездное приобретение актива должника на условиях, на которых в сравнимых обстоятельствах обычно совершаются аналогичные сделки».

В-четвёртых, и это, пожалуй, самое главное: даже в том случае, если характеристики субъекта совпадают с субъектным статусом, лицо будет признано контролирующим, если суд найдёт степень его влияния достаточно значительной для принятия должником решения.

Осуществление фактического контроля над должником возможно вне зависимости от наличия (отсутствия) формально-юридических признаков аффилированности (через родство или свойство с лицами, входящими в состав органов должника, прямое или опосредованное участие в капитале либо в управлении и т.п.). Суд устанавливает степень вовлеченности лица, привлекаемого к субсидиарной ответственности, в процесс управления должником, проверяя, насколько значительным было его влияние на принятие существенных деловых решений относительно деятельности должника.

Если сделки, изменившие экономическую и (или) юридическую судьбу должника, заключены под влиянием лица, определившего существенные условия этих сделок, такое лицо подлежит признанию контролирующим должника.

Лицо не может быть признано контролирующим должника только на том основании, что оно состояло в отношениях родства или свойства с членами органов должника, либо ему были переданы полномочия на совершение от имени должника отдельных ординарных сделок, в т.ч. в рамках обычной хозяйственной деятельности, либо оно замещало должности главного бухгалтера, финансового директора должника (п/п. 1–3 п. 2 ст. 61¹⁰ Закона о банкротстве). Названные лица могут быть признаны контролирующими должника на общих основаниях, в том числе с использованием предусмотренных законодательством о банкротстве презумпций, при этом учитываются преимущества, вытекающие из их положения». Таким образом, всё замыкается на судебную оценку. Ответственность ставится в зависимость от того, признает ли суд действия лица определяющими для совершения сделки, приводящей к банкротству. В данном контексте представляет интерес возможность привлечения к уголовной ответственности

¹¹ См.: Росс. газ. 2017. 29 дек.

¹² См.: *Восканян Р.О.* Взаимозависимые лица как угроза экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 1. С. 24–28.

по признаку «контролирующее должника лицо» жены, с которой руководитель организации-должника прожил лет этак 25. С учётом оценок суда всегда существует презумпция, что жена, чаще всего имплицитно диктующая свои условия, будет признана таковым субъектом преступления. А как быть с дальними родственниками? Но главное всё же заключается в том, что возникающие вопросы суть порождение неопределённости законодательных установок, что, в свою очередь, определяется магической непонятностью, удобной для лоббистов, претендующих на многовариантность решений, из которых можно легко извлечь пользу.

Следующий субъектный статус — руководитель контролирующего лица. Этот статус относится далеко не ко всем контролирующим лицам, а только к тем, кто имеет статус подчинённого.

Руководитель — это лицо, на которое легитимно возложены функции управления, т.е. руководитель наделён организационно-распорядительными главными функциями. Благодаря наличию таких функций ему подчиняются работники. Но отдельные фигуры не имеют руководителей, как, например, единоличный руководитель компании. Поэтому субъектом преступления в статусе руководителя контролирующего лица может быть только тот, кто наделён по отношению к этому лицу управленческими функциями. Так, например, руководителями арбитражного управляющего могут быть признаны члены коллегиального органа управления организации арбитражных управляющих, которые полномочны, в частности, принимать решение о приёме лица в члены саморегулируемой организации или о прекращении его членства в ней.

Поскольку законодатель использует термин «руководитель» без поясняющих прилагательных или наречий, а Федеральный закон о банкротстве предлагает считать в качестве контролирующих лиц и тех субъектов, которые не имеют отношения к фирме, а являются выгодоприобретателями в результате незаконных операций и т.п., возникает вопрос: если у таких лиц есть руководители, то могут ли они быть привлечены в качестве субъекта рассматриваемого преступления? Например, уборщица предприятия, которое не имело отношения к фирме, претендующей на банкротство, если ей каким-то образом удалось получить выгоду из неправомерной сделки, подчиняется руководителю хозяйственной службы предприятия, на котором она работает. Руководитель предприятия, узнав о приобретении работницей активов, даёт ей указание, что надо сделать для того, чтобы побудить руководителя фирмы, претендующей на банкротский статус, совершить действия, образующие объективную сторону неправомерных действий при банкротстве. Поскольку он является руководителем лица, которое имеет статус фигуры,

контролирующей должника, он будет нести ответственность по данной статье при условии, разумеется, если суд признает его влияние определяющим.

Зачем всё это нужно — загадка. Автор пытался хотя бы как-то прояснить загадки законодателя, посвятив значительное время поискам пояснительной записки к этому Закону. Но увы, тщетно.

Теперь ÜBERMENSCH. Вряд ли я открою тайну откровением о том, что праву, использующему мифологию в виде законности и справедливости, которые всегда обрамляют внешне нормоустановления, имманентно присущи гегемония и целесообразность, которые диктуют свою волю сквозь лёгкий флёр декларируемых принципов. Наверно, это правильно, ибо право по сути своей подчинено единственной, но основополагающей цели — оградить граждан, составляющих общество, от неудобств. Целесообразность, однако, не имеет, к сожалению, единого определительного критерия, который мог бы составить нравственную константу феномену. Она всегда оригинальна в зависимости от времени, когда возникает та или иная цель, а время это отягчено различными обстоятельствами, на которые целесообразность и реагирует. Например, смена власти, рост преступности, нищета населения, эпидемии и т.п. COVID-19 показал игру целесообразности, которую Демиург пытался совместить с последовательностью и справедливостью решений. Из этого вышла тотальная необходимость прививок под явной или скрытой угрозой отстранения от работы, потери денег, хотя тезис добровольности так и остался в качестве декларации.

Целесообразность полисемична и неоднозначна хотя бы в силу тезиса «цель оправдывает средства». Весь вопрос в том, из чьих уст исходит этот тезис. Например, уста Макиавелли: «пусть он (государь. — *Н.И.*) не страшится дурной славы тех пороков, без которых ему трудно спасти государство; ведь если вникнуть как следует во всё, то найдётся нечто, что кажется добродетелью, но верность ей была бы гибелью князя; найдётся другое, что кажется пороком, но, следуя ему, князь обеспечивает себе безопасность и благополучие»¹³. Порок целесообразен, если он удобен правителю; неопределённость закона целесообразна, если она идёт на пользу гегемону. Целесообразность поэтому оказывается предпочтительнее справедливости, которая, однако, представляется в свете необходимости, показанной как стремление граждан к достижению провозглашённой Демиургом благой цели. А такая цель вовсе не объективна. Она назначается.

Без справедливости как принципа было бы неуютно и опасно, поскольку именно справедливость освещает право лучами нравственности. Она

¹³ *Макиавелли*. Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 79.

должна быть в когорте принципов, а вот интерпретировать её можно, исходя из целесообразности. В этой сюжетной линии мы вплотную приблизились к ÜBERMENSCH, в рамках которого справедливость хорошо вуалируется целесообразностью интересов сверхчеловека, под которым я буду понимать не только личностные свойства «пассионария», но и идею всеобщего блага, достигаемую посредством жертвоприношений, требуемых властью.

Введение в литературный словарь понятия «сверхчеловек» (ÜBERMENSCH) приписывают Ницше, использовавшему это понятие для демонстрации существа, которое по всем своим данным превосходит современного среднестатистического бюргера настолько, насколько последний превосходит обезьяну. Это творец, определяющий вектор исторического развития. Надо заметить, однако, что тема сверхчеловека была и остаётся довольно популярной в философской и художественной литературе (вспомним Достоевского), хотя приоритет его определения принадлежит писателям, творившим ещё до нашей эры.

Кто бы ни был первым в определении содержания и значения сверхчеловека, этот феномен оказал существенное влияние на все пласты социального бытия человека, в том числе и на право. Влияние феномена «сверхчеловек» на социальные предпочтения общины выглядело не всегда так примитивно. Сверхчеловек в социальных правилах проявлялся как идея гармонии лучшего, как образ блага, ради достижения которого цель оправдывает средства. Иногда он воплощался в личности, будь то личность пассионария или просто влиятельного гражданина. Но в любом случае сверхчеловек как идея общественного блага в конце концов становился победителем, потому что для него или ради него как блага всё и совершается. Идея ÜBERMENSCH, отразилась и в Уголовном кодексе РФ с тем же флёром справедливости, удобной для конкретного случая, поскольку объясняет созданное, без которого законодатель не смеет реализовать свои начинания.

Например, ст. 41 УК РФ, которая называется «Обоснованный риск». Цель такого риска — общественное благо или общественно полезная цель. Что из себя представляет общественно полезная цель — мало понятно. Понятно только то, что это должны быть деяния на благо общества. Но общество разнородно, и чьё конкретно благо отстаивается путём причинения вреда кому-либо — непонятно и, более того, опасно, поскольку под тезис общественного блага можно подогнать всё, что угодно. Но не это главное. Главное заключается в том, что риск считается обоснованным, если общественно полезная цель достигается, в частности, путём причинения смерти немногим людям, т.к. гибель множества означает признание риска необоснованным. И именно в этой части возникают вопросы. Во-первых,

что такое «многие люди»? Можно ли это определить количественно?

Признак «многие люди» оценочный и определить его конкретно вряд ли возможно. Хотя есть вариант такого определения через сопоставление (т.н. «нравственная арифметика»). Например, гибель определённого количества людей по отношению к спасённым в количественном отношении значительно превышающим погибших. Но насколько значительной должна быть цифра спасённых — вряд ли можно выяснить.

Сопутствующие законы, где речь идёт о гибели людей, тоже ничего не дают, поскольку определяют гибель людей по отношению к прогнозируемому спасению. Например, Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»¹⁴ в ч. 3 ст. 7 определяет, что «в случае, если имеется достоверная информация о возможном использовании воздушного судна для совершения террористического акта или о захвате воздушного судна и при этом были исчерпаны все обусловленные сложившимися обстоятельствами меры, необходимые для его посадки, и существует реальная опасность гибели людей либо наступления экологической катастрофы, Вооружённые Силы Российской Федерации применяют оружие и боевую технику для пресечения полета указанного воздушного судна **путем его уничтожения**» (выделено мною. — *Н.И.*). Это означает, что в случае использования пассажирского лайнера, заполненного пассажирами, для террористических целей, они могут быть принесены в жертву только при наличии возможности совершения террористического акта. А ведь возможность наступления последствий означает ни что иное кроме как наличие условий, благоприятных для итога, которые могут реализоваться или нет. И именно в такой ситуации идея ÜBERMENSCH воплощается под покровом достижения общественного блага: спасение одних посредством гибели других. Кто дал право на такое решение о гибели?

Идея ÜBERMENSCH как достижение общественного блага посредством некоторых неудобств или даже страданий имеет сакральные свойства. Господь страдал ради людей. Но причинение смерти ради достижения цели не может быть принято в качестве справедливого решения вопроса, если справедливость понимать не в контексте сверхчеловека, а в контексте золотого правила: не делай другому того, что не желаешь себе.

В контексте «пассионариев» следует рассмотреть нормы ст. 76¹ УК РФ, устанавливающей варианты освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Все варианты ч. 2 указанной статьи сосредоточены на возможности откупиться от ответственности вне зависимости от тяжести

¹⁴ См.: СЗ РФ. 2006. № 11, ст. 1146.

совершенного преступления. Такая возможность весьма проблематична для среднестатистического бюргера, поскольку сильно бьёт по карману, ибо издержки велики. Вот законодательные варианты законодательно определённого освобождения:

возмещение ущерба, причинённого гражданину, организации или государству, плюс перечисление в федеральный бюджет денежного возмещения в размере двукратной суммы причинённого ущерба;

перечисление в федеральный бюджет дохода, полученного в результате совершения преступления, плюс денежное возмещение в размере двукратной суммы дохода, полученного в результате совершения преступления;

перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления плюс денежное возмещение в размере двукратной суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления;

перечисление в федеральный бюджет денежной суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния, плюс денежное возмещение в двукратном размере этой суммы.

Такие деньги способен заплатить только богатый, который и превращается в «пассионария» в контексте ÜBERMENSCH, избегая уголовной ответственности.

Вопрос: зачем всё это? Что добивается законодатель своими трансцендентными правилами и «пассионарными» решениями, исповедуя постоянно стремление к справедливости, гуманности и эффективности?

* * *

Уголовный кодекс РФ должен быть страшным, поскольку без страха он лишается смысла. Именно в страхе заключён принцип психологического принуждения. Но страх очевиден. Он является в нормоустановлениях, а особенно в санкциях, как открытое предупреждение о воздержании от греха и адресован всем без исключения, кто станет на путь нарушений

Сведения об авторе

ИВАНОВ Никита Георгиевич — доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист РФ, профессор кафедры уголовного права и криминологии Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); 117638 г. Москва, ул. Азовская, д. 2, корп. 1

принятых правил, не взирая на лица (в этом — принцип равенства всех перед законом, который не соблюдается). Он исключает тайный смысл, трансцендентность и прямо угрожает человеку. Трансцендентность закона делает легкодоступным злоупотребление правом, толкая его по ангажированному пониманию его духа, а идея ÜBERMENSCH усугубляет имманентно свойственный русскому духу правовой нигилизм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Восканян Р.О.* Взаимозависимые лица как угроза экономической безопасности // Проблемы теории и практики управления. 2019. № 1. С. 24–28.
2. *Бычков В.В.* Древнерусская эстетика. М.—СПб., 2012. С. 77.
3. *Геродот.* История: в 9 кн. / пер. и примеч. Г.А. Стратановского; под общ. ред. С.Л. Утченко; ред. пер. Н.А. Мещерский. Л., 1972. С. 26.
4. *Исаев И.А.* Мифологемы закона. Право и литература. М., 2021. С. 218, 224.
5. *Макиавелли.* Государь. Рассуждения о первой декаде Тита Ливия. О военном искусстве. М., 1996. С. 79.
6. *Эразм Роттердамский.* Оружие христианского воина. СПб., 1992. С. 14.

REFERENCES

1. *Voskanyan R.O.* Interdependent persons as a threat to economic security // Problems of theory and practice of management. 2019. No. 1. P. 24–28 (in Russ.).
2. *Bychkov V.V.* Ancient Russian aesthetics. M.—SPb., 2012. P. 77 (in Russ.).
3. *Herodotus.* History: in 9 books / transl. and note by G.A. Stratanovsky; under the general editorship of S.L. Utchenko; ed. transl. N.A. Meshchersky. L., 1972. P. 26 (in Russ.).
4. *Isaev I.A.* Mythologems of the law. Law and Literature. M., 2021. P. 218, 224 (in Russ.).
5. *Machiavelli.* The sovereign. Reflections on the first decade of Titus Livius. On military art. M., 1996. P. 79 (in Russ.).
6. *Erasmus of Rotterdam.* The weapon of the Christian warrior. SPb., 1992. P. 14 (in Russ.).

Authors' information

IVANOV Nikita G. — Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia); 2, bld. 1 Azovskaya str., 117638 Moscow, Russia